

Е.А. Масолова¹

Новосибирский государственный технический университет

ХРИСТИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ПОЗДНЕГО ТОЛСТОГО

В художественной прозе Толстой «выстраивает» жизненный путь героя, опираясь на даты христианского календаря. Обращение Толстого к христианским хронометрическим координатам проявляется имплицитно и эксплицитно и направлено на утверждение спасительности Слова Божьего. Отсутствие дат христианского календаря не становится показателем несправедливой жизни персонажа, но, чаще всего, свидетельствует о его духовной и физической смерти. В народных рассказах Толстого христианские хронометрические координаты «помогают» человеку начать жить по Евангелию. В повестях Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Дьявол» наличие дат христианского календаря не меняет судьбу героя, для которого превыше всего материальный комфорт и голос плоти. В творчестве Толстого начало преображения действующих лиц предопределено Масленицей, Вознесением, Троицей, Воскресением и Святой неделей. В романе Толстого значимые события в жизни действующих лиц связаны с христианским календарём и «диктуют» необходимость воскресения. Христианский календарь в художественной прозе Толстого свидетельствует о наличии в его творчестве черт христианского реализма.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, христианские хронометрические координаты, проспективная функция, духовное преображение, христианский реализм.

E.A. Masolova

Novosibirsk State Technical University

THE CHRISTIAN CALENDAR IN THE ARTISTIC PROSE OF LATE TOLSTOY

In his artistic prose Tolstoy "builds" the life of his character on the basis of the Christian calendar dates. Tolstoy's appeal to the Christian chronometric coordinates is manifested implicitly and explicitly. It is aimed at the proof of New Testament's salvation. The absence of the dates of the Christian calendar is not an indicator of the unjust life of the character, but usually it indicates his moral and

¹ Елена Александровна Масолова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ, Новосибирск).

physical death. In Tolstoy's folk stories the Christian chronometric coordinates "help" his character to start living according to the Gospel. In Tolstoy's stories "The Death of Ivan Ilyich" and "The Devil", the pointing at the dates of the Christian calendar does not change the fate of the character for whom the material comfort or the voice of the flesh is the most important. The beginning of Tolstoy's characters enlightenment is predetermined by the Pancake Week, Ascension, Trinity, Resurrection, and the Holy Week. In Tolstoy's novel the meaningful and significant events in the life of the characters are connected to the Christian calendar, and they demand the need for resurrection. The Christian calendar in Tolstoy's artistic prose testifies the presence of the features of Christian realism in his work.

Key words: L.N. Tolstoy, Christian chronometric coordinates, prospective function, enlightenment, Christian realism.

На Руси, с принятия христианства, люди соотносили свою жизнь с веками христианского календаря; ощущение времени как извечного годового цикла Священной истории лежит в основе менталитета русских вне зависимости от их отношения к церкви. Многие писатели включают христианский календарь в художественные произведения. Православный церковный быт «определял жизнь не только верующего большинства, но и атеистического меньшинства русского общества; православно-христианским оказывался и художественный хронотоп даже тех произведений русской литературы, в которых он не был сознательно задан автором» [Захаров, 1994, с. 9]; во многих художественных текстах русских писателей «время представлено не датами (веками, годами, месяцами), а христианскими праздниками» [Захаров, 2012, с. 160], которые выступают как хронометрические христианские координаты, выражающие идею «восстановления» человека. Отражение церковных праздников в художественной литературе должно стать темой специального рассмотрения.

У Толстого было неоднозначное отношение к христианским праздникам. В публицистике Толстой полемично заявляет о своём неприятии всех двенадцатых праздников, кроме Рождества: «<...> все двенадцать праздников, кроме Рождества, были воспоминания о чудесах, о том, о чём я старался не думать, чтобы не отрицать: Вознесенье, Пятидесятница, Богоявление, Покров и т. д.» [Толстой, 1957, с. 51]. Многие заявленные в публицистике Толстого утверждения «не стыкуются» с художественной практикой писателя. При рассмотрении принципа повествования в «Круге чтения» С.Ю. Николаева приходит к выводу, что Толстой использует

христианский календарь как структурную основу своей книги¹. Религиозные праздники в художественном творчестве Толстого – практически неисследованная тема. Воссозданная в «Воскресении» сцена Евхаристии переполнила возмущение церковнослужителей; Толстого обвинили в том, что он изобразил духовенство механически исполняющим обряды; Святейший Синод принял решение об отлучении Толстого от православной церкви. Толстой глазами потрясённого человека (не еретика, не сектанта) остранным увидел обряд Евхаристии. С.А. Васильев² справедливо утверждает, что изображение пасхального богослужения в «Воскресении» лишено иронии и обличительного пафоса; пасхальная заутреня становится смысловым центром романа, залогом грядущего внутреннего перерождения Нехлюдова и Катюши; ассоциативные связи от пасхального богослужения идут к любовной теме и образу Катюши. Отражение христианского календаря в художественной прозе Толстого происходит потому, что, «став внецерковным человеком, Л. Толстой остался всё же христианином» [Захаров, 2012, с. 120].

Объект нашего исследования – народные рассказы Толстого, повести «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Дьявол», «Хаджи-Мурат» и роман «Воскресение». Предмет рассмотрения – использование в художественном тексте дат христианского календаря.

В народных рассказах Толстого отсутствие дат христианского календаря не является показателем несправедливой жизни человека. В рассказах «Чем люди живы» и «Много ли человеку земли надо» не указаны христианские хронометрические координаты, при этом отношение к жизни у героев этих рассказов различно. Семён и Матрена не нарушали заповедей Христа, а потому им было дано увидеть громадный огненный столб и Ангела, вознесшегося на небо; в рассказе «Много ли человеку земли нужно» Пахом не читал Евангелие, не любил людей, хотел всех обмануть и умер в неуёмной погоне за наживой.

Наличие христианских хронометрических координат в народных рассказах Толстого «помогает» его героям выйти из тупиковой жизненной ситуации и обрести смысл жизни. В рассказе «Где любовь, там и Бог» Мартын, потеряв семью, начал выпивать,

¹ См. об этом: [Николаева, 2005, с. 17].

² См. об этом: [Васильев, 2016, с. 18-23].

кричать на людей, говорить о них плохо. Возрождение Мартына началось на Троицу, когда земляк-старичок сказал ему, что грешно отчаиваться, что люди надо жить не для своей радости, а для Бога. В христианстве с Троицей связана спасительная миссия церкви по обращению людей к Богу. В рассказе Толстого Троица выступает как точка отсчёта, знаменующая начало преображения героя, который стал жить по Слову Божьему, неся в мир добро и любовь.

В рассказе «Свечка» хронотоп соотнесён с христианским календарём: события рассказа происходят накануне Святой недели. Преддверие христианского праздника «предопределяет» урок, усвоенный героями рассказа: барин после смерти жестокого приказчика отпустил мужиков на оброк, и те поняли, что сила Божия не в грехе, а в добре.

Рассказ «Девчонки умнее стариков» начинается с указания на христианский праздник – шла Святая неделя, что сыграло просветляющую роль в жизни людей: девчонки поссорились из-за пустяка, после чего их матери стали ругаться друг с другом, а отцы подрались, не вняв словам старухи о том, что грех ссориться, особенно в праздничные дни; девчонки вскоре продолжили играть друг с другом, а взрослые устыдились своей злобы.

В рассказе «Два старика» степенный Ефим думал лишь о спасении своей души и не простил страннику неотданный рубль. Добродушный и весёлый Елисей, который порою и водку пил, и табак нюхал, заботился о других. Ефим и Елисей решили посетить Святую землю и поклониться Гробу Господню. По дороге Елисей увидел в одной избе умиравших от голода людей. Елисей, чьё имя означает *спасение*, замесил хлеб, истопил печку, спас людей от смерти и вернулся домой вскоре после Успения. Согласно Евангелию, на Успение Апостолы чудесным образом собрались в Иерусалиме, чтобы совершить погребение Девы Марии. Елисей, так и не дошедший до Иерусалима, «оказался» в нём раньше Ефима: когда Ефим стоял у Гроба Господня, периодически проверяя, не своровали ли у него кошелек, ему показалось, что возле благодатного огня молился Елисей. Вернувшись домой и увидев Елисея за работой, Ефим понял, что Бог велел жить любовью и ежечасной заботой о людях, и не стал рассказывать Елисею о своем посещении Иерусалима.

В рассказе «Сон молодого царя» царь, решивший устроить себе отдых после пяти недель непрерывной работы, увидел сон о всеобщем неблагополучии в своей стране: об убийствах на войне, о

горе вдовы, о всеобщем пьянстве, о драке отца и сына, о взяточничестве полицейских, о разврате в воспитательных домах, о воровстве в церквях, о ссылках и каторгах. Во сне невидимый спутник сказал царю, что у человека есть вечные обязанности служить Богу и делать всё для установления Царства Божия на земле. Этот сон был послан человеку в рождественский сочельник, а потому повествование переводится в религиозно-философскую плоскость и приобретает черты притчи о выборе человеком жизненного пути.

В повестях Толстого 1880-х гг. наличие или отсутствие христианского календаря ничего не меняет в судьбе человека, который забыл о религиозных праздниках и стал думать о материальном благополучии или адюльтере. В «Смерти Ивана Ильича» повествователь сообщает, что Иван Ильич умер 4 февраля 1882 года. В том году 4 февраля был Широкий четверг Масленичной недели, с которого начинается Широкая Масленица, когда люди устраивают катания на лошадях и шумные пирушки. Смысл Широкого четверга, как и всей Масленицы, – выплеск накопившейся за зиму негативной энергии и ликвидация конфликтов между людьми. О Масленице в повести Толстого не упоминается: семье смертельно больного человека было не до праздничных гуляний. Вынос тела Головина состоялся в пятницу; покойника хоронили на следующий день, что идёт вразрез с христианским ритуалом прощания с умершим. До болезни Иван Ильич был занят сугубо меркантильными вопросами; заболев, он измучил себя и других, а потому никто не воспринял его смерть как трагедию: жена Головина печалилась о неизбежной в случае смерти мужа потере жалования и была изысканно одета на похоронах; сослуживцы не хотели идти на панихиду.

В «Крейцеровой сонате» нет дат христианского календаря; в «Дьяволе» христианские хронометрические координаты упомянуты трижды; амбиционные и эгоцентричные Позднышев и Иртенев терпят поражение. Позднышев терзался ревностью, не думал о Боге, после убийства жены не освободился от душевной боли. Иртенев ни разу не вспомнил об отце, умершем в Великий пост. Иртенев женился на Красную Горку, один самых удачных дней для свадебных обрядов, но это не принесло ему счастье: через два года, на Троицу, герой решил изменить жене; ни Троица, ни доводы рассудка не смогли остановить его, и только случайно в тот день не состоялось очередного прелюбодеяния.

В «Хаджи Мурате» ничего не говорится о христианских праздниках: русские ненавидели горцев и истребляли их; никто из офицеров не был изображён за молитвой. Горцы, четыре раза в день читавшие молитвы, убивали русских и в дни своих религиозных праздников, полагая, что это угодно их богу.

В первой главе «Воскресения» 28 апреля три обвинённых в убийстве арестанта должны были предстать перед судом. Дата 28 апреля выбрана Толстым не случайно: в этот день церковь чтит память святых Апостолов Иасона, Сосипатра и святой мученицы Керкиры. Апостолы были оклеветаны и заключены в тюрьму, где приобщили к Христовой вере семь разбойников, за что подверглись мучениям со стороны властей. Увидев страдания Апостолов, дочь царя Керкира раздала своё богатство и вместе с Апостолами стала учить народ слову Божию, и многие уверовали во Христа. Забвение даты 28 апреля персонажами романа говорит об их лжерелигиозности. «Привязка» романа к этой дате предсказывает встречу Нехлюдова со стариком-раскольником, который обличал людей, погрязших в земном и предавших, с его точки зрения, веру в Бога. Фигура раскольника приобрела черты бунтаря, бросившего вызов Антихристу. Дата 28 апреля предвещает воскресение Нехлюдова и грядущее преобразование человечества, которое уверует в заповеди Христа.

В «Воскресении» указано еще несколько дат 188* года: 17 января в публичном доме отравили и ограбили купца Смелкова; 15 февраля была проведена патологоанатомическая экспертиза Смелкова; 5 июля состоялась отправка партии арестантов; 17 августа из записки Петлина стало известно, что Неверов повесился в сумасшедшем доме. Выбранные Толстым даты – дни поминовения святых первомучеников: 17 января – день памяти Преподобного Антония Великого; 15 февраля – день памяти св. Апостола Онисима; 5 июля – день празднования Преподобного Сергия Радонежского; 17 августа – день памяти св. Мирона. Накануне и сразу после этих дат в православном календаре нет особо почитаемых религиозных праздников, хотя в христианском календаре каждый день посвящён памяти нескольких святых и / или событиям в жизни Христа. Соотнося христианский календарь с событиями в жизни персонажей, Толстой не напоминает сакральный смысл этих дат. Такое «умолчание» обусловлено психологически: персонажи романа

предали забвению дни поминаения святых, вычеркнули себя из контекста христианской жизни и чинили беззаконие.

Если фиксированные даты поминаения святых не помогли персонажам опомниться и прекратить творить злодеяния, то Вознесение, Масленица и Воскресение «настраивают» людей на преобразование. На Вознесение Нехлюдов-студент поцеловал в саду Катюшу; чувство молодых людей было прекрасно и целомудренно. У Нехлюдова с Масленицей были связаны светлые воспоминания: накануне Масленицы в заснеженном лесу он пережил удивительное чувство пантеистического единения с миром, когда исчезли заботы, упрёки, страхи. На Масленицу Маслова, Клара и аккомпаньаторша скрипача захотели вырваться из бедлама публичного дома, но приезд новых гостей усилил озлобление этих женщин на мир и их намерение отомстить всем за свою погубленную жизнь продолжающимся распутством.

Во второй раз Нехлюдов приехал в Паново в Страстную пятницу. В христианской традиции Страстная пятница – время молитв и скорби; Христос в этот день страдал и умер на кресте, распятый людьми за их же грехи. К Страстной пятнице дома должно быть всё убрано, но в доме тётушек Нехлюдова мыли полы. Нехлюдов думал только о желании увидеть Катюшу. Страстная пятница оказалась десакрализованной многими действующими лицами романа Толстого, что предвещало последующее поругание пасхальной ночи.

Нехлюдов не сразу воспринял Пасху как величайший праздник. Нагоняя ушедший полк, герой собирался пробыть в Паново сутки, но, увидав Катюшу, согласился встретить у тётушек Пасху. Церковнослужители в «Воскресении» были далеки от мыслей о благодати Пасхи. Полное название праздника – Светло Христово Воскресение – первый раз в романе употреблено в бытовом контексте: священник, дьякон и дьячок, говоря о том, как они добирались до церкви на заутреню, сетовали на плохую погоду и распутицу.

Имение тётушек, которое всегда гармонизировало душу Нехлюдова, изменило его отношение к Пасхе. Во второй приезд в Паново на пасхальной заутрени герой воспринял Воскресение как светлый праздник, наставляющий человека на путь христианской любви. На пасхальном богослужении Нехлюдов увидел одухотворённые лица истово молившихся крестьян. Пасха и пасхальное богослужение даровали крестьянам веру в добро и

надежду на воскресение. У самого же Нехлюдова во время богослужения не было мыслей об искупительной жертве Христа; влюблённому герою казалось, что именно для Катюши блестело золото иконостаса, горели все свечи на паникадиле, звучали радостные пасхальные напевы. Во время богослужения герой временно возвратился к своему бывшему чистому природному я, его душа преисполнилась платонической любовью, радостным и восторженным принятием всего сущего. Высокие чувства, испытанные Нехлюдовым во время пасхального богослужения, предопределили воскресение героя.

Ночь грехопадения была сродни апокалипсической: природа окутала мир в зловещий туман, ущербный месяц жутко освещал мир после злодеяния Нехлюдова. Нежелание помнить о совершённом преступлении заставило Нехлюдова вычеркнуть из памяти преданную им Катюшу, и герой продолжил жить так, как требовало светское окружение. Нравственная глухота души героя в начале романа во многом была обусловлена его преступлением десятилетней давности. Узнав в проститутке, обвинённой в убийстве, Катюшу, Нехлюдов вспомнил её смеющиеся от радости и полноты жизни глаза в Светло Христово Воскресение и испытал жгучий стыд. В сцене суда над Масловой размышления автора-повествователя и Нехлюдова о грехе осквернения Воскресения совпали: «Ах, если бы всё это остановилось на том чувстве, которое было в эту ночь! “Да, всё это ужасное дело сделалось уже после этой ночи светло Христова воскресения!” – думал он теперь» [Толстой, 1936, с. 57]. Мысли героя о покаянии Воскресения вызвали у него страстное желание искупить свой грех. Название романа «Воскресение», содержащее указание на главный православный праздник, «диктует» необходимость духовного преображения всем людям. В конце романа Нехлюдов собирается жить по Слову Бога и нести его людям.

Итак. В ряде художественных произведений Толстого есть указания на даты христианского календаря, в других – нет; чаще всего Толстой «выстраивал» жизненный путь героя, привлекая хронометрические христианские координаты. В поздней художественной прозе Толстого обращение к датам христианского календаря проявляется имплицитно и эксплицитно и направлено на утверждение спасительности Слова Божьего в жизни человека, который призван нести в мир добро, сверяя свою жизнь с религиозным календарём. Как правило, отсутствие христианских

хронометрических координат в художественном творчестве Толстого выступает дополнительным обвинением людям, которые думали только о себе, игнорировали христианские праздники, теряли нравственные ориентиры и приходили к духовной и физической смерти. В «Смерти Ивана Ильича» и «Дьяволе» указание на даты христианского календаря является своего рода минус-приёмом: кончина Ивана Ильича ничего не изменила в жизни членов его семьи и сослуживцев, которые остались далеки от христианского миропонимания; Иргенев не смог избавиться от плотского соблазна. В художественном творчестве Толстого начало духовного преобразования действующих лиц связано, в первую очередь, с Воскресением, а также с Масленицей, с Вознесением, Троицей, и Святой неделей. Соотнесение событий в жизни действующих лиц с христианским календарём имеет проспективную функцию. Христианский календарь «детерминирует» человеческие судьбы: в жизни тех, кто помнит о христианских праздниках, происходит умиротворение, наступает физическое и духовное исцеление. К художественной прозе позднего Толстого можно отнести слова В.Н. Захарова, сказанные исследователем применительно к повестям и романам Достоевского: в творчестве писателя проявляются черты христианского реализма, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова Божьего и через живые подробности бытия раскрывается не только историческая реальность, но и мистический смысл происходящих событий [Захаров, 2001, с. 16]. Христианский календарь в художественных произведениях позднего Толстого даёт основание воспринимать их как притчу о поиске жизненного пути и духовном преобразении человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев, С. А. «...Одно из самых светлых и сильных воспоминаний» (образ пасхального богослужения в романе Л.Н. Толстого «Воскресение») / С.А. Васильев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – № 2 (22). – С. 18-24.

Захаров, В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты / В.Н. Захаров. – Москва: Индрик, 2012. – 264 с.

Захаров, В. Н. Русская литература и христианство / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. – Петрозаводск, 1994. – С. 5-12.

Захаров, В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского / В.Н. Захаров // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сборник научных трудов. – Петрозаводск, 1994. – С. 37-49.

Захаров, В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) / В.Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2001. – Вып. 6. – С. 5-20.

Николаева, С. Ю. Календарь как жанрообразующий принцип в произведениях А.П. Чехова и Л.Н. Толстого / С.Ю. Николаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 13-19.

Толстой, Л. Н. Исповедь / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. Произведения 1879 – 1884 гг. – Москва: Художественная литература, 1957. – С. 1-483.

Толстой, Л. Н. Воскресение / Л.Н. Толстой / Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 32. «Воскресение». – Москва: Художественная литература, 1936. – 543 с.